чего не сказалъ ямщику, боясь, что можетъ произойти остановка.

Однако, человѣкъ догналъ насъ и подалъ какую-то забытую картонку. Ямщикъ опять усѣлся, подобралъ подъ себя возжи и хлеснулъ лошадей. Колымага тряхнулась и поплыла.

Я оглянулся назадъ. Отлогимъ скатомъ сбѣгало внизъ шоссе, въ его перспективѣ виднѣлся нашъ перекрестокъ у „фигуры" и каменица (каменный домъ) Коляновскихъ. Вотъ уголъ забора, на которомъ мы, бывало, просиживали съ братомъ цѣлые часы, ожидая появленія чего-нибудь необычнаго вотъ отсюда, гдѣ теперь тихо катится наша коляска...

Она спустилась съ подъема, мимо побѣжали лачуги, заборы, землянки. Вотъ лавочка, гдѣ Крыштановичъ покупалъ булки. Вотъ шоссе, съ такими же пѣшеходами, балагулами и странниками. Вотъ мостъ и рѣчка, гдѣ мы купались съ моимъ товарищемъ. Вотъ Врангелевская роща...

Какое-то особое ощущеніе, какъ будто мимолетной пріятной боли промелькнуло въ душѣ. Это отрывалась въ первый разъ рѣзко отграниченная полоска жизни.

Мостъ исчезъ, осталась назади сосновая роща... Впереди лежалъ просторъ, широкій, невѣдомый, загадочный и заманчивый... Свечерѣло, когда мы подъѣхали къ первой станціи, желтому зданію съ красной крышей и готической архитектурой. Это былъ послѣдній предѣлъ, еще какъ бы напоминавшій о родномъ городѣ...

Перепрягли лошадей, прописали подорожную (съ этимъ мать посылала меня, чѣмъ я очень гордился), я опять полѣзъ на козлы...

Дорога, синія сумерки, потомъ звѣздная ночь и фосфорическія облака, какъ будто насыщенныя луннымъ свѣтомъ... Мать стучитъ въ оконце за козлами, ямщикъ сдерживаетъ лошадей и наклоняется. Мать спрашиваетъ, не холодно ли мнѣ, не сплю ли я и не свалюсь ли съ козелъ..

Мнѣ кажется, что я не спалъ, но всетаки мѣсто, гдѣ мы стоимъ, для меня неожиданно ново: передъ нами мостъ, подъ нимъ темная рѣчка, съ лѣвой стороны стоитъ лѣсъ, и верхушки деревьевъ тихо качаются въ синевѣ вечерняго неба...

Я весь переполненъ радостью новизны и ожиданій...

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Вл. Короленко.

Старый марксизмъ и современная соціалъ-демократія.

I.

Въ одной изъ своихъ многочисленныхъ статей по поводу уже окончившагося теперь столкновенія между Германіей и Франціей, вызваннаго марокккскимъ вопросомъ, Жоресъ цитируетъ слова «Vorwaerts», оффиціальнаго органа нѣмецкой соціалъ-демократіи, о растущемъ политическомъ значеніи пролетаріата, «который будетъ всѣми силами противиться преступной попыткѣ натравливанія другъ на друга двухъ сосѣднихъ народовъ»,—но при этомъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе:

«Конечно, мы не будемъ предаваться самодовольнымъ иллюзіямъ; мы хорошо знаемъ, что при настоящемъ положеніи вещей ни рабочій классъ, ни соціалистическая партія еще не обладаютъ достаточными силами, чтобы составить противовѣсъ алчности и соперничеству» (*L'Humanité*, № 431).

Подобнаго же рода заявленіе было сдѣлано Бебелемъ на Амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., когда онъ призналъ невозможнымъ для нѣмецкой соціалъ-демократіи бороться въ настоящее время съ властью германскаго императора: подождемъ, сказалъ онъ, когда насъ будетъ не три, а семь или восемь милліоновъ.

Въ этихъ, несомнѣнно, очень компетентныхъ оцѣнкахъ современнаго политическаго положенія соціалистическихъ партій въ наиболѣе промышленныхъ западно-европейскихъ странахъ интересно отмѣтить вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что, несмотря на свою очень большую численность, онѣ все еще занимаютъ далеко не господствующее политическое положеніе и даже обнаруживаютъ, при всѣхъ столкновеніяхъ съ буржуазными правительствами, свою сравнительную политическую слабость. Это обстоятельство ставитъ передъ нами весьма важный вопросъ *объ основныхъ причинахъ* такого явленія. До сихъ поръ теоретики соціализма занимались преимущественно выясненіемъ причинъ громадныхъ успѣховъ и быстраго роста соціалистическаго движенія въ западно-европей-